

Анна Жнец

**СПАСТИ
ЗАКОЛДОВАННОГО
КОРОЛЯ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж77

Жнец А.
Ж77 Спасти заколдованного короля / Анна Жнец – М.: Литнет, 2025. – 200 с.

ISBN 978-5-521-94691-4

В другой мир я попала в обрывках свадебного платья. Теперь я заперта в мрачном замке, полном странностей и загадок. Наедине с королем эльфов, которого давно считают погибшим. От красоты этого мужчины захватывает дух, от снобизма — сводит зубы. У каждого из нас свои скелеты в шкафу, а еще мы связаны общей тайной, сокрытой в прошлом. Зачем нас свели вместе в этом заброшенном замке? Как вырваться из ловушки? Какую шокирующую правду нам предстоит узнать о себе и друг о друге?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94691-4

© Литнет, 2025
© А. Жнец, 2025

Глава 1. Неправильная свадьба

В тот день мои веки опустились, чтобы больше никогда не подняться, но вот посмертная тьма рассеялась, и я обнаружила, что стою в подвенечном платье у алтаря. Все вокруг белое, цветами украшено, а я похожа на нарядную куклу, завернутую в кружевной тюль. В фату, то бишь.

Сквозь матовую вуаль смотрела я на гостей, а в голове крутились воспоминания бедняжки, чье тело я заняла.

Маменька меня не любила. Ну, то есть не меня, а настоящую Лиену Войс. Чем не угодила ей старшая дочь, оставалось только гадать. Наверное, лицом не вышла. Родилась слишком беленькой. И говоря «беленькой», я имею в виду не хорошенькой блондиночкой с молочной кожей, а бледной, как альбинос.

Двух младших дочек синьора Грация боготворила, холила и лелеяла, а старшей доставались одни тумачи. Отец-тюфяк жил на дне бутылки и не спешил защитить свою кровинушку.

Но сегодня у Лиены Войс был праздник.

Она выходила замуж. И не за кого-нибудь, а за любимого!

О своем соседе синьоре Пауле Понто хозяйка моего тела грезила с самой юности. Тот был молод, богат, красив – отличная партия для любой аристократки.

Лиена была счастлива, а я всеми фибрами души чувала подвох. Маменька дочурку не любила и семейного счастья ей не желала, а сейчас слишком уж радостно скалилась, сидя среди гостей. Ее хитрый взгляд обещал подставу. Страшную!

Я напряглась всем телом.

В храме играл орган. Гости на скамьях перешептывались. Мужик в красной рясе – жрец, наверное, – прижимал к груди толстенную книгу в кожаной обложке. Маменька улыбалась с видом голодной акулы, учуявшей свежую кровь. Мои милые сестрички хихика-

ли, как две гиены из мультика, — явно знали то, чего не знала я. Папенька дрых. Уронив лохматую голову на грудь, он тихо похрапывал и придерживал двумя руками объемное брюхо, в котором плескался домашний грог.

Ситуация, конечно, была, как это говорят, экстраординарная, тем не менее я чувствовала себя на удивление спокойно. Не истерила, от того, что вдруг оказалась в незнакомом месте со свадебной фатой на макушке, не билась в припадке, не паниковала. Я помнила, что умерла. Самое плохое со мной уже случилось. Так чего нервничать? Хуже уже не будет.

Жених опаздывал. Гости шушукались все громче, сестры-гиены хихикали все злораднее, оскал маменьки с каждой секундой открывал все больше зубов. Папаня дрых под громкое урчание полного желудка. Запах роз, украсивших каменные ниши в стенах, становился все более навязчивым. Мелодия органа стихла и пошла на второй круг.

Я уже решила, что жених не придет, что Лиену бросили у алтаря и поэтому у моих родственников такие довольные, счастливые лица, но вот двери храма отворились со скрипом. На пороге выросла высокая мужская фигура в черном камзоле. Раздались шаги. Синьор Пауль Понте двинулся по проходу мимо лавок с гостями. Походка у него была... кхм... несколько странная.

Из-за вуали я плохо видела, поэтому не сразу поняла, в чем подвох, — только когда жених приблизился и встал напротив меня. Тут-то я обалдела.

Ничего себе подстава!

От возмущения моя грудь наполнилась воздухом.

Честно, я не могла поверить в такую подлость. В первую секунду даже решила, что меня подводит зрение, и нервным жестом сдернула с лица вуаль. Эта кружевная тряпка мешала мне рассмотреть жениха как следует.

Где? Где красавчик Пауль? Кто этот высохший сморчок? Кого вы подсунули бедной Лиене?

Вместо белоснежной улыбки три гнилых пенька. Вместо мускулистого торса цыплячья грудь, обтянутая камзолом. Вместо мужчины в самом соку какая-то древняя развалина, едва стоящая на ногах.

Дедуля, сколько тебе лет? Да с тебя ж песок сыплется. Тебе не жена молодая нужна, а хорошая сиделка. Ишь, тянет ко мне свои загребушие ручонки, весь дрожит – так хочет отведать сочного юного тела, а сам как живая мумия. Постыдился бы!

Старичок стыдиться не собирался. Смотрел на меня, как голодная собака на кость, и плотоядно облизывался, явно переоценивая свои силы. Я же застыла в шоке.

Вот это да.

Ну и дела.

Ничего себе я попала!

Папенька на лавке в первом ряду продолжал сладко храпеть во сне. Стерва маменька наклонилась вперед и распахнула глаза пошире, чтобы лучше видеть мое ошеломленное лицо. Хотела насладиться моей реакцией на этот неожиданный сюрприз. Сестрички-гигиены зажимали рты, чтобы не смеяться в голос: им, поди, подобрали женихов поприличнее.

– Сеньор Понте, довольны ли вы невестой? – задал жрец традиционный на местных свадьбах вопрос.

Понте? И этот тоже Понте? Только не Пауль, а, похоже, его дед.

– Очень доволен, – проскрипел старикан так, будто гвоздем по стеклу провел.

Уперев руки в бока, я повернулась к мужику в рясе и красноречиво вздернула бровь, мол, теперь меня спроси, довольна ли я женихом. Но, похоже, в этих краях невесты считались довольными априори и их мнением никто не интересовался.

– Берете ли вы, сеньор Пикар Понте, в жены, сеньориту Лиену Войс, чтобы та служила вам и подчинялась, заботилась о вашем доме, здоровье и удобстве. Чтобы рожала вам детей и...

Что? Детей? Да этот самоуверенный дед первую брачную ночь

просто не переживет. В таком преклонном возрасте от одного только вида голой женщины можно получить инфаркт, не говоря уже обо всем остальном.

Тем временем жрец все бубнил и бубнил заунывным тоном:

– ...хранила семейный очаг, была верной и преданной, ласковой и послушной, терпеливой и понимающей, чтобы она поддерживала вас в горе и в радости, в болезни и в здравии, в богатстве и в бедности. Берете?

– Беру! – крикнул старик, от счастья едва не выпрыгнув из штанов.

– А вы, сеньорита Лиена Войс? – повернулся ко мне жрец. – Вы согласны быть кроткой и милой, доброй и внимательной, хранить верность и домашний уют? Вверяете ли вы свою жизнь и судьбу в руки благородного мужа Пикара Понте?

И только я открыла рот, чтобы заявить: «Не-е-ет! Ни в коем случае!» – выкрикнуть это на весь зал, так, чтобы эхо подхватило мой возмущенный вопль и донесло его до каждого в храме... В общем, только я собралась озвучить свою позицию, как жрец захлопнул книгу и торжественно объявил:

– Жених может поцеловать невесту.

Что? Я не успела ответить! Я же не ответила! Ну знаете ли, это переходит всякие границы!

Поддержав мое праведное негодование, папаня громко всхрипнул во сне. Маманя захлопала в ладоши. Она-то думала, что амеба Лиена не посмеет заткатить скандал на свадьбе: стыдно это, неприлично – сцены прилюдные устраивать. К тому же семья Понте сильно уважаемая. Страшно и чревато – опозорить такого человека.

Словом, расчет мамани был верным. От рохли Лиены не стоило ждать бунта на корабле. Бедняга проглотила бы любой плевок, стерпела бы какое угодно унижение и безропотно подчинилась бы своей судьбинушке. Лиена. Но не я.

Я была из другого теста и в постель к старику не собиралась.

Довольный сморчок об этом не знал и уже тянул ко мне губы, сложенные трубочкой.

От злости я изо всех сил наступила ему на ногу. Свадебной туфелькой на маленьком, но остром каблучке. Ибо нечего!

От боли наглый дед вскрикнул, покраснел до корней редких седых волос и запрыгал на одной ноге. Прыгал он, правда, недолго – слишком тяжелое упражнение для его возраста. Два раза подскочил – и на тощий зад шмякнулся.

Что тут началось! Веселуха!

У маменьки челюсть на пол бац – и грохнулась. Дорогие сестрички подавились смехом и закашлялись. Глаза гостей наружу как выкатились, так обратно и не закатились.

– Отец! Отец! – запрыгал козликом вокруг старого сластолюбца мой несостоявшийся свекр, и его пивной живот, а также два близнеца-подбородка весело заскакали вместе с ним. – Ты! Ты за это ответишь! – Ткнул мне в грудь палец, похожий на сардельку. – Так обойтись с уважаемым человеком! Да как ты посмела, мерзавка?!

– Девочка не со зла, – попыталась исправить ситуацию маменька. Шелестя многочисленными юбками, она подплыла ко мне, как огромный крейсер из парчи и кружев. – Просто неуклюжая. Просто оступилась. Правда, Лиена? Ну-ка извинись.

С широкой улыбкой я с размаха опустила каблук своей свадебной туфли уже на ее ногу. У мамыши глаза чуть на пол не выпали. То ли от боли, то ли от удивления, а может, от всего разом.

– Со зла, маменька, со зла. Ой, со зла.

Гости вскочили со своих мест и вытянули шеи, чтобы лучше видеть происходящее. Шум и крики разбудили папеньку. Тот зевнул, а потом растерянно заморгал, словно пытаясь понять, где проснулся и что это за цирк вокруг него творится. Сестры-гинеи перестали хохотать и взялись грызть ногти. Дедуля-жених так и сидел на полу, но смотрел на меня с восхищенным прищуром, в котором читалось: «Ай да девка! У-у-ух, страстная!» Похоже, этому кощею нравились боевые женщины.

Вдруг я почувствовала резкую боль в макушке, словно сбо-

ку ко мне подкрался кровожадный индеец и вознамерился снять с меня скальп. Это маменька вцепилась мне в волосы и ядовито зашипела в ухо:

– А ну-ка отойдем в коридор, негодяйка, поговорим.

– Маменька, если вы сейчас же не разожмете свою клешню, случится драка. Я вам обещаю.

Маменька оценила угрозу в моем голосе и перестала изображать из себя индейца, помешанного на скальпах. Поправив прическу, я с чувством собственного достоинства последовала за ней в небольшой коридорчик при основном зале храма.

– Лиена! – зашипела эта горе-родительница. Брызги ее слюны разлетались во все стороны и оседали на моем лице. Глаза яростно сверкали. При каждом вдохе монументальная грудь рвалась на волю из корсета. – Мерзавка неблагодарная! Что с тобой? Я тебя не узнаю. Ты заболела? Потеряла рассудок?

Гости уже превратились в жирафов, до того вытянули шеи, подглядывая за нами сквозь дверной проем. Я захлопнула обе деревянные створки, лишив их этого развлечения.

Наверное, надо было уйти. Развернуться и с чистой совестью сказать этой отвратительной семейке: «Чао!» – но в новом мире перспектива оказаться без денег и крыши над головой несколько пугала. К бегству надо было подготовиться. Все сделать по уму.

– Вы хотели отдать Лие... кх... меня за старика! Ну что за подлость!

– Ты сама согласилась, – маменька гадко заулыбалась. – Всё честно. Я спросила твоего согласия, и ты от радости чуть из платья не выпрыгнула. Очень уж тебе не терпелось замуж, – и она добавила с глумливым смешком, – за сеньора Понте.

Помню-помню тот день.

Маменька вошла в мои покои безмерно довольная, вела себя со мной непривычно ласково, даже впервые в жизни назвала «доченькой». Вся такая добренькая, она усадила меня за стол и с фальши-

вой улыбкой объявила сногшибательную новость: сеньор Понте попросил моей руки. Конечно, простофиля Лиена сразу подумала о наиболее молодом представителе этого семейства, а маманя не спешила ее разубеждать.

Формально меня никто не обманывал, но фактически...

Вместо молодого красавчика, объекта моих девичьих грез, мне подсунули его развалюху деда.

– Что ж, теперь я передумала. Свадьба отменяется, – я сдернула с головы фату, которая и без того сбилась набок от матушкиных манипуляций с моими волосами, и швырнула кружевную тряпку на пол.

– А не получится, – сладко пропела стерва. – Не получится, не получится. Брачный договор подписан. Выкуп уплачен и уже потрачен.

Тут разум Лиены поделился со мной новой порцией воспоминаний. Стало понятно, почему гадюка матушка смотрит на меня с торжеством во взгляде.

В Аликансе – так назывался этот мир – девушек замуж не отдавали, а продавали. Как коров на рынке, ей-богу! Кто больше заплатит – того и товар.

Но это еще полбеды!

Самое ужасное, невеста подписывала одну мерзкую бумажку. Писулька эта превращала бедняжку в бесправное имущество купившего ее мужчины. Семья невесты получала оговоренную сумму, а проданная девица – почетный статус замужней дамы.

Это с дурехой Лиеной и случилось. Услыхала фамилию Понте, растеклась влюбленной лужицей по столу и свою чертову подпись там, где не надо, поставила! Может, она и читала договор, но маменька, я уверена, нашла, как обхитрить глупышку.

– Поздно упрямитесь, – скалилась стерва. – Выбора нет. Давай, приводи себя в порядок и марш к жениху. Сеньор Понте уже ждет. И чтобы извинилась перед ним как следует!

В ужасе я схватилась за голову.

В глазах потемнело от жуткого понимания: церемония в храме – простая условность, брак уже заключен. Я стала женой этой рухляди в ту секунду, как расписалась в договоре.

А-а-а!

Вот почему жрец не спрашивал моего согласия. Жених в последний момент мог отказаться от сделки, а живая покупка права голова не имела.

Бежать!

Немедленно!

Пока мой взгляд лихорадочно метался в поисках путей к отступлению, маменька взывала к совести дочурки.

– Какая же ты неблагодарная тварь. Я тебя растила, поила, кормила, одевала. И вместо того, чтобы оплатить этот счет, ты решила нас с отцом опозорить на весь город. Такой скандал устроила! И даже не подумала, что твое вызывающее поведение может бросить тень на репутацию моих милых крошек. Из-за тебя Аниту и Лусию хорошие женихи могут обходить стороной. У-у-у, гадина! – и матушка погрозила мне кулаком.

Боже, да чем я ей насолила? Я, конечно, понимаю, что некоторые женщины любят одних своих детей больше, чем других, но тут не равнодушие даже, а откровенная ненависть и желание втоптать в землю. Понимаю, если бы я была падчерицей сеньоры Грации. Но родная же дочь! Что с этой мадам не так?

Наконец мой взгляд зацепился за ворота, ведущие из храма на улицу. Ура! Спасение! Но только я дернулась к выходу, как рука матери поймала мое запястье в стальной капкан.

– Куда собралась, негодница? Тебе в другую сторону. Иль убежать задумала? Неужто не помнишь, что ждет строптивую невесту, нарушившую брачный договор?

Глаза маменьки сверкнули.

– Тюрьма! – воскликнула она с особым удовольствием, буквально смакуя это слово. – Тюрьма!